

рыя нынче — завтра должны кончиться. И потому даже и въ этомъ случаѣ выгоднѣе рисковать тѣмъ, что меня сошлютъ, запрутъ въ тюрьму и даже казнятъ, чѣмъ тѣмъ, что по моей же винѣ я проживу всю жизнь въ рабствѣ у дурныхъ людей, могу быть разоренъ вторгнувшимися неприятелемъ, имъ по дурацки искалѣченъ и убитъ, отставивъ пушку, или никому не нужный клочекъ земли, или глупую тряпку, называемую знаменемъ.

Я не хочу съѣзъ самъ, себя и не буду. Мнѣ незачѣмъ это дѣлать. Дѣлайте сами, коли вы этого хотите, а я не буду.

Казалось бы, не только религиозное или нравственное чувство, но самое простое разсужденіе и расчетъ должны бы заставитьъ каждого человека нашего времени отвѣтить и поступить такъ. Но нѣтъ: люди общественнаго жизнепониманія находятъ, что поступать такъ не нужно и даже вредно для достиженія цѣли освобожденія людей отъ рабства, а надо продолжать, какъ тѣ мужики станового, съѣзъ другъ друга, угнѣшая себя тѣмъ, что то, что мы болтаемъ въ палатахъ и на собраніяхъ, составляемъ союзы рабочихъ, гуляемъ 1-го мая по улицамъ, дѣлаемъ заговоры и изподгибка дразнимыя правительство, которое съѣчетъ насъ, что это дѣлаетъ все то, что мы, все больше и больше закабалая себя, очень скоро освободимся.

Ничто не мѣшаетъ столько освобожденію людей, сколько это удивительное заблужденіе. Въмѣсто того, чтобы каждому человеку направить свои силы на освобожденіе самого себя, на измѣненіе своего жизнепониманія, люди ищутъ внѣшняго совокупнаго средства освобожденія и тѣмъ все больше и больше заковыываютъ себя.

Въ родѣ какъ, если бы люди утверждали, что для того, чтобы развести жаръ, нужно не то, чтобы разжечь каждый уголь, а то, чтобы расположить уголья извѣстнымъ образомъ.

А между тѣмъ то, что освобожденіе всѣхъ людей произойдетъ именно черезъ освобожденіе отдѣльныхъ лицъ, становится въ послѣднее время все болѣе и болѣе очевиднымъ. Освобожденіе отдѣльныхъ лицъ во имя христіанскаго жизнепониманія этъ государственнаго порабощенія, бывшее прежде исключительнымъ и незамѣтнымъ явленіемъ, получило въ послѣднее время угрожающее для государственной власти значеніе.

Если въ прежнее время, во времена Рима, въ средние вѣка случалось, что христіанинъ, исповѣдая свое ученіе, отказывался этъ участія въ жертвахъ, отъ поклоненія императорамъ, богамъ, или въ средние вѣка отъ поклоненія иконамъ, отъ признанія царской власти, то отрицанія этъ, во первыхъ, были случайны: человекъ могъ быть поставленъ въ необходимость исповѣ-

данія своей вѣры, и могъ прожить жизнь, не будучи поставленъ въ эту необходимость. Теперь же этимъ испытаніямъ вѣры подвергаются всѣ люди безъ исключенія. Всякій человекъ нашего времени поставленъ въ необходимость признавъ свое участіе въ жестокостяхъ языческой жизни или отвергнуть ее. И во вторыхъ, въ тѣ времена отказы отъ поклоненія богамъ, иконамъ, папѣ составляли не существенныя для государства явленія: сколько бы людей поклонялось или не поклонялось богамъ или иконамъ, или папѣ, государство оставалось столь же сильно. Теперь же отказы отъ нехристіанскихъ требованій правительствъ подрываютъ подъ корень самую государственную власть, потому что на исполненіи этыхъ нехристіанскихъ требованій зиждется вся власть государства.

Мірскія власти были ходоми жизни приведены къ тому положенію, что для своего поддержанія онѣ должны требовать отъ всѣхъ людей такихъ поступковъ, которые не могутъ быть исполнены людьми, исповѣдующими истинное христіанство.

И потому въ наше время всякое исповѣданіе отдѣльнымъ человекомъ истиннаго христіанства подрываетъ въ самомъ существенномъ власти правительства и неизбежно влечетъ за собой освобожденіе всѣхъ.

Что, казалось бы, важнаго въ такихъ явленіяхъ, какъ отказы нѣсколькихъ десятковъ шальныхъ, какъ ихъ называютъ, людей, которые не хотятъ присягать правительству, не хотятъ платить подати, участвовать въ судѣ и въ военной службѣ? Людей этыхъ наказываютъ и удаляютъ, и жизнь идетъ по старому. Казалось бы, нѣтъ ничего важнаго въ этыхъ явленіяхъ, а между тѣмъ эти то явленія болѣе всего другого подрываютъ власть государства и подготавливаютъ освобожденіе людей. Это тѣ отдѣльныя пчелы, которыя начинаютъ отдѣляться отъ роя и летаютъ около, ожидая того, что не можетъ задержаться, — чтобы весь рой поднялся за ними. И правительства знаютъ это и боятся этыхъ явленій больше всѣхъ социалистовъ, коммунистовъ, анархистовъ и ихъ заговоривъ съ динамитными бомбами.

Наступаетъ новое царствованіе; по общему правилу и заведенному порядку требуется, чтобы всѣ подданные присягнули новому правительству. Дѣлается общее распорядженіе. Присяваютъ всѣхъ въ сборъ для присяги. Вдругъ одинъ человекъ въ Перми, другой въ Тулѣ, третій въ Москвѣ, четвертый въ Калугѣ объявляютъ, что они присягать не будутъ и объясняютъ свой отказъ, всѣ, не стовариваясь между собой, однимъ и тѣмъ же, тѣмъ, что по христіанскому закону клятва запрещена, но что если бы клятва а не была запрещена, то они по духу христіанскаго закона не могутъ обѣщаться совер-